

Иван «из тех, которым не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить»¹

Д о с т о е в с к и й

I

КТО УБИЛ СТАРИКА КАРАМАЗОВА?

Читатель романа «Братья Карамазовы» знает, что человеческим судом был осужден за убийство Федора Павловича Карамазова, в виду формальных обстоятельств дела, старший сын старика — Дмитрий Карамазов.

Читатель знает, что «божьем судом» — судом совести — был осужден за убийство средний сын старика — Иван Карамазов, который, быть может, предугадывал убийство отца, но не убил.

Читатель знает, что осудил себя и себя казнил физический убийца Федора Павловича, предполагаемый побочный сын старика — Смердяков.

Но читатель знает и то, что физический убийца Федора Павловича, Смердяков, является только как бы виновником убийства, что он сам не признает себя подлинным убийцей, а признает подлинным убийцей Ивана.

Читатель знает еще и то, что младший сын старика, Алеша, «судья праведный», не признает убийцей ни Дмитрия, ни Ивана, а только Смердякова, — что обвиняемый в убийстве Дмитрий сперва непоколебимо отклоняет всякое обвинение в убийстве отца от Смердякова, а затем поневоле признает его убийцей. Читатель также знает, что Иван, наоборот, долго не признает убийцей Смердякова, а признает убийцей только Дмитрия, и что, услышав в полубезумном состоянии от такого же, как он, полубезумного Смердякова, что убил отца все-таки Смердяков, — объявляет убийцей отца себя, Ивана.

¹ 9, 105.

И хотя иной читатель дочитал роман до конца и даже кое-какие страницы перечитал, хотя он знает до тонкости все обстоятельства дела, хотя он видел, как Смердяков завертывал на своей левой ноге панталонны, как запуская в длинный белый чулок пальцы, как вытаскивал оттуда пачку с тремя тысячами, — теми самыми, которые были предназначены «ангелу Грушеньке и цыпленочку», хотя читатель даже узнал, как Смердяков эти три тысячи передавал Ивану Федоровичу, он все же еще не вполне уверен, что убил именно Смердяков. Он все же как-то недоумеваает. Его все еще продолжает мучить вопрос:

— Кто же тогда виновник убийства? Кто же, по замыслу автора романа, убил старика Карамазова?

И впрямь, признания, обвинения, самообвинения произносятся в такой бредовой, кошмарной, истерической обстановке, среди стольких мировых и авторских загадок, что не знаешь, чему верить, чему не верить, где действительность, где мнимость, и не хочет ли автор потрясти читателя сразу всеми противоречиями жизни и мысли, чтобы доказать, что, несомненно, «слишком много загадок угнетают человека на земле».

Да и ответ на вопрос читателя о виновнике убийства дан автором странный, неожиданный, непонятный:

— Вы не знаете, кто убил Федора Павловича? Так-таки и не знаете? Совсем не знаете? Так вот кто — черт: черт убил! черт, а не Смердяков! черт, а не Дмитрий! черт, а не Иван!

— Какой черт? Что за черт? Не гоголевский же черт, черт возьми! — недоумеваает и даже возмущается читатель. — Что за вздор! Да не издевается ли над читателем автор? При чем тут черт?

Нет, автор не издевается. Трагедия исключает издевательство. А роман «Братья Карамазовы» — трагедия. И если в этой трагедии немало шутов и шутовства, то именно в трагедии рядом с трагическим героем отводится место и шуту (это мы находим, например, в «Короле Лире») — и не только ради контраста, и не только потому, что от великого до смешного один шаг, или что шут — это неудавшийся трагик, или что всякая до конца изжитая трагедия обращается в фарс, и труп героя — в трофей шута, — но еще и потому, что

шутка в трагическом контексте тоже становится трагичной и чем она острее и беспощаднее по своей остроте, тем она трагичнее, и, наконец, еще и потому, что, в силу особого душевного свойства или характера человека, в нем — трагик и скоморох живут нераздельно.

Оставим пока в стороне вопрос о смыслообразе черта, так часто упоминаемого в романе, примем его за условную фигуру, за одного из героев наряду с другими героями романа, на что дает нам право кошмар Ивана Федоровича, которому черт явился воочию, т. е. где черт действительно фигурирует как действующее лицо.

Пусть читатель, которого мучает загадка, заданная ему автором («Кто же убил старика Карамазова?»), обратит внимание, что и все герои романа мучаются той же загадкой и гораздо более жестоко и мучительнее, чем читатель, — мучаются до слез, до отчаяния, до истерики, до бешенства, до галлюцинации, до безумия, до самоубийства. Кто же, по замыслу автора, убил старика Карамазова?

Версию о черте — убийце Федора Павловича — высказал впервые Дмитрий Карамазов на предварительном следствии в Мокром при допросе (глава «Третье мытарство»).

Отвергнув обвинение в отцеубийстве, отведя, после колебаний, обвинение от Смердякова — единственного, кто, кроме него, знал об условных знаках — о стуке в окно Федора Павловича, означавшем «Грушенька пришла», — Митя зашел в тупик. О знаках, кроме них двоих, Смердякова и Дмитрия, знало «только небо». Совершить же убийство мог лишь тот, кто простучал бы эти знаки в окно старику Карамазову.

«— Не подозреваете ли вы в таком случае и еще какое другое лицо? — осторожно спросил было Николай Парфенович» (следователь) Митю.

«— Не знаю, кто или какое лицо, рука небес или сатана, но ... не Смердяков! — решительно отрезал Митя.»²

И тут же Митя узнает от прокурора, что Смердякова нашли в припадке падучей, что он чуть ли не при смерти и, следовательно, убийцей быть не мог.

² 9, 589.

«— Ну, в таком случае отца черт убил³! — сорвалось вдруг у Мити, как будто он даже до сей минуты спрашивал все себя: „Смердяков или не Смердяков?“».

Это «черт убил» сказано Митей как будто в сердцах, но почему-то тема о черте — виновнике убийства развивается Митей и дальше, ибо на вопрос следователя об окровавленных (кровью слуги Григория) руках Мити:

«— А руки все еще не подумали вымыть (...)? Не опасались, стало быть, подозрений?»

Митя отвечает:

«— Каких таких подозрений? (...) Ведь если бы не случай с отцом, ведь вы бы ничего не узнали и сюда не прибыли. О, это черт сделал, черт отца убил, через черта и вы так скоро узнали! Как сюда-то так скоро успели? Диво, фантазия!»⁴

И впрямь, диво! Оказывается: черт не только убил, но он еще и направил следственные власти по следам Мити, мнимого убийцы, очевидно с той целью, чтобы замести следы и обвинить невинного. Конечно, эти слова сорвались у Мити от недоумения: он-то знает, что не он убил отца.

«— Я не убил, не убил, не убил! Слышите, прокурор: не убил!» — надрывно звучит его голос.

Но и не Смердяков убил, утверждает он.

Тогда кто же?..

Над загадкой «кто убил?» мучается и Катерина Ивановна, невеста Дмитрия. Неужели Митя убил?!..

«— Да убил ли он? Он ли убил?» — верит и не верит она, ибо тут же говорит Ивану:

«— Это ты, ты убедил меня, что он отцеубийца. Я только тебе и поверила.»⁵

И Алеша, младший сын Федора Павловича, слышит от Ивана, мучающегося страшной мыслью об отцеубийстве, что именно Митя — убийца и изверг. Иван даже ссылается при этом на один документ — на письмо Мити к Катерине Ивановне, — «математически подтверждающее», что убийца именно Митя.

³ Здесь и везде ниже разрядка в цитатах дана автором настоящей работы. — *Ред.*

⁴ 9, 593.

⁵ 10, 114.

«— Такого документа быть не может! — с жаром повторил Алеша, — не может быть, потому что убийца не он.

Не он убил отца, не он!

Иван Федорович вдруг остановился.

— Кто же убийца, по-вашему? <...>

— Ты сам знаешь, кто. <...>

— Кто? Эта басня-то о <...> Смердякове?»

И снова повторяет Алеша:

«— Ты сам знаешь, кто. <...>

— Да кто, кто? <...>

— Я одно только знаю, — все так же почти шепотом проговорил Алеша. — Убил отца *не ты*.

— „Не ты?“ Что такое не ты? — остоленел Иван.

— Не ты убил отца, не ты! — твердо повторил Алеша. <...>

— Да я и сам знаю, что не я, ты бредишь? — бледно и искривленно усмехнувшись, проговорил Иван. Он как бы впился в Алешу. Оба опять стояли у фонаря.

— Нет, Иван, ты сам себе несколько раз говорил, что убийца ты.

— Когда я говорил?.. Я в Москве был... Когда я говорил? — совсем потерянно пролепетал Иван.

— Ты говорил это себе много раз, когда оставался один в эти страшные два месяца. <...> Ты обвинял себя и признавался себе, что убийца никто как ты. Но убил не ты, ты ошибаешься, не ты убийца, слышишь меня, не ты! Меня бог послал тебе это сказать.»⁶

Алеша почти что гипнотизирует Ивана этим «не ты, не ты».

«— Ты был у меня! — скрежещущим шепотом проговорил он. [Иван]. — Ты был у меня ночью, когда он приходил... Признавайся... ты его видел?

— Про кого ты говоришь... про Митю? <...>

— Не про него, к черту изверга! <...> Разве ты знаешь, что он ко мне ходит? Как ты узнал, говори!

— Кто он? Я не знаю, про кого ты говоришь, — пролепетал Алеша уже в испуге.

— Нет, ты знаешь... иначе как же бы ты... не может быть, чтобы ты не знал...»

---

⁶ 10, 117—118.

И вот финал этой сцены под фонарем:

«— Брат, (...) я сказал тебе это потому, что ты моему слову поверишь, я знаю это. Я тебе на всю жизнь это слово сказал: *не ты!*»⁷

Читатель не посетует за длину приведенного диалога. Его неминуемо заинтригует: что имел в виду автор?

Кто же этот таинственный «он», который приходил к Ивану Федоровичу, о котором в таком смятении говорит Иван Федорович? Кто этот «он», вскоре откроется, — откроется, что имя этому «он» — черт: черт приходил к Ивану Федоровичу. Пока же отметим только, что Алеша, голос высшей совести, под шепот автора из суфлерской будки, изрек Ивану свое «не ты». Не Иван убил отца. Глава романа так и названа: «Не ты, не ты!»

То, что убийцей отца Алеша считает не Митю, а только Смердякова, — читатель знает.

То, что и Митя во время дальнейшего следствия, путем исключенного третьего, обвиняет в фактическом убийстве отца все же не черта, а того же Смердякова, хотя и страшно при этом путается, — и это читатель знает. Но есть против самого Мити одна роковая улика: отпертая дверь из дома в сад, в котором расположен флигель убитого.

«— Да, дверь!... Это фантом! Бог против меня!»⁸ — воскликнул Митя еще на предварительном следствии. На том обстоятельстве, что дверь стояла отворенной до ухода Мити, упорно настаивал старый слуга Карамазовых, Григорий, хотя, в действительности, дверь тогда вовсе не стояла отворенной и это только так Григорию померещилось. И вот над этим свидетельством Григория об отворенной двери Митя во время следствия лишь презрительно смеялся и уверял, что это черт отворил... дверь.

Опять черт!

Пусть и эта последняя ссылка на черта сделана Митей с досады, в сердцах, но все же любопытно, читатель, как накапливается против черта обвинение: черт убил отца, черт направил следственные власти по сле-

---

⁷ 10, 118.

⁸ 9, 606.

дам Мити, черт отворил дверь в сад — во всем черт виноват!

Если Алеша, почти с силой внушения, повторяет Ивану: «Не ты, не ты убил», то и Смердяков при третьем свидании его с Иваном говорит сперва Ивану:

«— Идите домой, *не вы убили*», — как будто Ивану Федоровичу надо доказывать, что убил не он, а кто-то другой.

«— Я знаю, что не я... — пролепетал было он.

— Зна-е-те?»⁹

И здесь в жуткой тишине ночи, перед поворотом всех событий на сто восемьдесят градусов, прозвучало ужасное и двусмысленное признание Смердякова, что убил Федора Павловича он, Смердяков, но что убийца тем не менее не он, Смердяков, а Иван.

«— Ан вот вы-то и убили, коль так, — яростно прошептал он ему. — (...) Вы убили, вы главный убийца и есть, а я только вашим приспешником был, слугой Личардой верным, и по слову вашему дело это и совершил»¹⁰, — ввинчивает он, как сверлом, в сознание Ивана.

«— Да разве ты убил? — похолодел Иван».

Так, значит, не Митя, а Смердяков — убийца отца. То, чего Иван никак не хотел допустить, то, что он втайне знал и не смел знать, все же оказалось правдой.

«— Да неужто ж вы вправду ничего не знали?» — слышится ему, уже соскальзывающему в какую-то пропасть, в мир кошмаров, удивленный голос Смердякова.

И вот опять прозвучали, пока еще слабым намеком, слова Ивана о его ночном посетителе, о призраке, появляющемся то ли во сне, то ли наяву — слова о том, кого Иван с ужасом называл Алеше «он», — о черте. Смердяков как бы уподобился этому ночному призраку, черту.

Явь и сон в сознании Ивана слились.

Ибо теперь и Смердяков наяву кажется ему не явью, а сном и призраком.

---

⁹ 10, 144.

¹⁰ 10, 144—145.

«— Знаешь что: я боюсь, что ты сон, что ты призрак предо мной сидишь?» — все с тем же ужасом говорит Иван Смердякову.

Смердяков-убийца — сон? Смердяков-убийца — призрак? Этот призрак-убийца еще явится нам: он явится нам в речах прокурора и защитника на суде.

«—...обвинитель», — иронизирует на суде защитник Мити, адвокат Фетюкович, по поводу речи прокурора, — «с пафосом восклицает (...), что будь тут кто-нибудь шестой, даже призрак какого-либо шестого, то подсудимый сам бы тотчас бросил обвинять Смердякова, устыдившись сего, а показал бы на этого шестого»¹¹.

Пусть пока этот призрак-убийца промелькнул перед нами, как некий шестой или даже как призрак шестого. Вскоре он предстанет перед нами воочию в образе известного сорта русского джентльмена, причем автор описывает весьма подробно и наружность и костюм упомянутого джентльмена.

Этот упомянутый джентльмен и есть не кто иной, как черт — призрак кошмара Ивана Федоровича, с которым читатель еще встретится. Пока же, читатель, удовлетворимся ответом Смердякова на слова потрясенного Ивана Федоровича во время третьего свидания, что и сам Смердяков кажется ему призраком, — ибо ответ Смердякова расчищает нам путь к черту:

«— Никакого тут призрака нет-с, кроме нас обоих-с, да еще некоторого третьего. Без сумления, тут он теперь, третий этот, находится, между нами двумя.

— Кто он? Кто находится? Кто третий? — испуганно проговорил Иван Федорович, озираясь кругом и поспешно ища глазами кого-то по всем углам.

— Третий этот — бог-с, самое это привидение-с, тут оно теперь подле нас-с, только вы не ищите его, не найдете»¹².

Вот здесь-то и открывается внутренняя антиномия романа — и у героя романа, и у самого автора.

---

¹¹ 10, 291.

¹² 10, 145.

Для Смердякова: некоторый третий — это бог, совесть («его бог убьет», — предсказал Митя).

Для Ивана: некоторый третий есть «он», — тот «он», которого Иван разыскивал глазами по всем углам, т. е. черт.

Здесь есть над чем призадуматься.

Между двумя убийцами оказался некто третий, некий «он», которому имя: не то бог, не то черт.

Вспомним, что и Митя в Мокром, исключив себя и Смердякова, как убийцу Федора Павловича, сослался на руку небес или сатану, как на виновников его смерти (путем исключенного третьего), т. е. сослался на того же третьего.

Быть может, иной читатель уже пожимает плечами: да что тут загадочного! Все просто и ясно. Иван — подстрекатель к убийству, Смердяков — исполнитель убийства. Зачем же тут понадобилось автору этого третьего впутывать?

Но автор не дает возможности читателю оставаться только в формально фактическом плане совершенного преступления. Он переводит его в иной план, в план мира совести, в план моральный, фантастический, inferнальный — и здесь разыгрывается потрясающий ум и сердце спектакль, одновременно трагедия и водевиль, где, повторяем, явь — это сон, а сон — это явь, где на сцене играют уже знакомые нам актеры — и «он», и призрак шестого, и некоторый третий, т. е. и бог, и черт, а не только Иван, Алеша, Митя и Смердяков.

Автор переводит читателя в этот бредовой, кошмарный, моральный мир, чтобы там читатель искал и нашел убийцу — единственного убийцу Федора Павловича, по замыслу автора, укрывавшегося в очень далеком и секретном убежище, куда, как говорит он, ворон костей не заносит, — словом, ни в каком ином месте, как в ...«Критике чистого разума» Канта.

— Канта? — восклицает читатель. — В «Критике» Канта?

Да, именно в «Критике чистого разума» Канта.

— Ну и сумел же Достоевский выбрать местечко для своего черта-убийцы, сумел и утаить название этого местечка! Но так как на карте философской географии это местечко весьма явственно поименовано, то

пытливый глаз читателя оказался столь же лукавым, как и глаз автора. А впрочем, кто знает, кто тут кого перелукавил!

Так будем же искать, невзирая на скрытность автора, в этом моральном мире совести, в этом кантовом гнезде четырехглавых горгон — антиномий — убийцу Федора Павловича, чтобы доставить его на суд читателей.

А пока сцена третьего свидания Ивана со Смердяковым продолжается.

«— Ты солгал, что ты убил!— бешено завопил Иван.— Ты или сумасшедший, или дразнишь меня, как в прошлый раз!»

Смердяков дразнит Ивана, но читатель вскоре узнает, что дразнит Ивана, и именно по поводу убийства отца, не Смердяков, а «он» т. е. опять-таки не кто иной, как черт: черт дразнит Ивана.

Теперь, когда мы перешли в авторский план, читателей уже не будет смущать нелепая фигура черта.

Иван не верит, что Смердяков убил, а если убил, то Иван не верит, что Смердяков убил один: у него должен быть соучастник.

«— ...ты один убил? Без брата или с братом?» — допытывается Иван отчаянно, как мифический Орест, отбиваясь от фурий совести.

«— Всего только вместе с вами-с», — отвечает ядовито, не хуже самого лучшего черта, Смердяков.— «Самым естественным манером сделано было-с, с ваших тех самых слов...»¹³ — И еще раз ввинчивает злобно в больное сознание Ивана: «—... вы виновны во всем-с, ибо про убийство вы знали-с и мне убить поручили-с, а сами, все знавши, уехали. Потому и хочу вам в сей вечер это в глаза доказать, что главный убийца во всем здесь единый вы-с, а я только самый не главный, хоть это и я убил. А вы самый законный убийца и есть»¹⁴.

Это «вы — вы — вы» Смердякова противопоставлено «не ты — не ты — не ты» Алеши: оно, как таран, долбит череп. Оно — невыносимо.

¹³ 10, 147.

¹⁴ 10, 150.

И вот Иван, этот, по слову Смердякова, подстрекатель, главный, единственный и «законный убийца», чистосердечно в ужасе стонет:

«— Почему, почему я убийца?»

И этот крик двойного «почему» Ивана отвечает крику Мити — его двойному «не я, не я убил».

Теперь все трое обвиняемых — и Митя, и Иван, и Смердяков — отклоняют от себя вину за убийство. Причем Смердяков перекладывает ее на Ивана, не отделяя себя от Ивана. — «Это уж нам с вами счастье такое выпало», — замечает он по поводу отворенной двери из дома в сад, — как позже не отделяет себя от Ивана черт, а Иван от черта.

«— ...я одной с тобой философии», — говорит ему черт.

«— ...ты есть я», — говорит черту Иван ¹⁵.

Итак, на сцену романа выступает двойной убийца.

Оба — и Иван, и сам Смердяков — утверждают, что убийство совершено Смердяковым не в одиночку. Оно совершено вдвоем: или Смердяковым и Митей (мнение Ивана!), или Смердяковым и Иваном (мнение Смердякова!), и если этот второй убийца не Митя, и не Иван, то кто же он — этот второй, этот главный убийца — рядом со Смердяковым?

И вот Иван, как до него Митя, находит этого второго убийцу.

«— Так неужели, неужели ты все это тогда же так на месте и обдумал?» — спрашивает во время третьего свидания Иван у Смердякова, у этого недавнего, как все думали, идиота. И услышав от него, что все было обдумано заранее, он, как и Митя в Мокром, выкрикивает:

«— Ну ... ну, тебе значит сам черт помог а л!» ¹⁶ — убить.

А ведь Митя в Мокром именно это и выкрикнул: «— Ну, в таком случае отца черт убил!»

Материал для обвинительного акта против черта все растет.

Если обвиняемый в отцеубийстве Митя высказал, что черт убил отца, что черт направил следственные

¹⁵ 10, 170.

¹⁶ 10, 155.

власти по следам Мити, что черт отворил двери в сад, то теперь уже и второй сын, обвиненный в отцеубийстве, Иван, высказал, что не он, Иван, а черт — соучастник убийства.

И именно теперь уже не Митя и не он, Иван, а Смердяков и черт, — вот они двое подлинных убийц Федора Павловича. И если бы выяснилось, что, по замыслу автора, Смердяков в романе дублирует черта, то единственным убийцей и окажется в конце концов только черт. Не Митя, не Иван, не Смердяков — черт убил.

Здесь есть над чем призадуматься.

Высказывание обоих братьев Карамазовых, что черт убил отца, пока еще несерьезно, но оно приобретает свою серьезность, когда читатель убедится, что автор действительно отождествляет фактического убийцу Федора Павловича, Смердякова, с реально выведенным в романе русским джентльменом, с чертом, т. е. когда раскроется та загадка, которую задал автор читателю самим образом черта.

Кто же он — черт?

II

УБИЙЦА-ДУБЛЕР

Отметим еще раз, что Иван не отделяет себя от черта, черт — от Ивана, как не отделяет себя от Ивана и Смердяков-убийца, как не отделяет себя от Смердякова-убийцы и сам Иван.

Разве не Иван говорит Катерине Ивановне¹, что если убил не Дмитрий, а Смердяков, то, конечно, убийцей отца является он, Иван?

---

¹ 10, 138.